

Пудовочкин Юрий Евгеньевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований Российского
государственного университета правосудия
milena.555@mail.ru

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

Кашкаров Алексей Александрович

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, начальник
кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

Yury E. Pudovochkin

Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Criminal Law Research Russian State University of Justice;
milena.555@mail.ru

Alexander N. Ignatov

Doctor of Law, senior research associate, Professor of Criminal Law
and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University
the Ministry of Internal Affairs of Russia;
milena.555@mail.ru

Alexey A. Kashkarov

candidate of law, senior research associate, head of the Department of Criminal
Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Полиобъектные составы преступлений

Poly-objective bodies of crimes

Аннотация. В статье проведён краткий анализ существующих в национальной доктрине уголовного права теорий объекта преступления, определено, что доминирующей является теория признания в качестве объекта преступления – общественных отношений. Изучение объекта преступления по вертикали и горизонтали позволило выявить такую разновидность объекта преступления как «полиобъектные» преступления. Выделение такого рода объекта преступления обусловлено объединением законодателем разных по своему генезису предметов преступления в одной диспозиции статьи Особенной части УК.

Ключевые слова: состав преступления, объект преступления, предмет преступления, классификация объекта преступления, общественные отношения, преступление, законодатель, Уголовный кодекс.

Abstract. *The article deals with short analysis of the theories of Corpus delicti developed in national Criminal law doctrine. It has been defined that theory of acceptance of public relations as an object of crime is dominant. Studying the object of crime vertically and horizontally has made it possible to distinguish such type of the object of crime as “poly-objective” crimes. Identification of such type of object of crime has been specified by the legislator due to consolidation of different according to genesis subjects of crime in one disposition of the Special part of the Criminal code.*

Key words: *Corpus delicti, object of crime, subject of crime, classification of object of crime, public relations, crime, legislator, Criminal code.*

В теории уголовного права среди множества дискуссионных и спорных вопросов особое место занимает проблематика объекта преступления, которая содержательно включает в себя, среди прочего, важные аспекты сущностного понимания и классификации объекта. Эти два направления теоретического анализа тесным образом связаны, ибо технология классификационного деления может быть применена лишь при достижении ясности в содержании объекта. Кроме того, эта взаимосвязь содержания и видов объектов обуславливает специальные требования сопоставимости предмета изучения в процессе критического анализа существующих доктринальных позиций, ибо должно быть очевидно, что сравнивать и критиковать классификацию объектов преступления в рамках теории правового блага с классификацией объекта как общественных отношений или лиц вряд ли методологически правильно.

В последнее время, доминирующая в советскую бытность формула «объект преступления – это общественные отношения» претерпевает множественную критику. Так, А.В. Наумов пишет, что теория объекта преступления как общественного отношения (по крайней мере, в ряде случаев) «не срабатывает» и предлагает признавать в качестве объекта посягательства правоохраняемые интересы [1, с.147]. А.Э. Жалинский отмечает, что «понятие общественных отношений вообще в контексте уголовного права является малоудачным», а «объект уголовно-правовой охраны целесообразно конкретизировать как систему поддающихся описанию на языке права правовых благ, которыми являются материальные и идеальные данности и возможности, получившие правовую оценку в качестве ценностей, необходимых личности, обществу и государству» [2, с. 215–216]. Аргументирована идея, согласно которой «объектом любого преступления ... выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множества лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в третьих – как социум (общество)» [3, с.60]. Эти концепции своим содержанием и идейным обоснованием восходят к известным еще с XIX

столетия учениям Н.С. Таганцева, С.В. Познышева, В.В. Есипова. Их реактивация в современных условиях свидетельствует об очередном витке российской науки, о восстановлении историко-правовых традиций, плюрализме идей и мнений. В силу этого как научный факт она может оцениваться исключительно положительно. Критиковать какую-либо из этих концепций, доказывать ее несостоятельность или ущербность, как представляется, дело крайне неблагодарное и бесперспективные. Убеждены, что здесь нет и не может быть правильных или неправильных подходов или решений. По большому счету, современный ученый стоит не столько перед задачей обоснования новой оригинальной концепции объекта, сколько перед необходимостью выбора приемлемой для себя теории, той, которая позволит ему оптимально решать целостный комплекс задач уголовно-правового регулирования. Здесь принципиально важно, что выбор теории объекта (как, впрочем, и любой иной методологической платформы) обуславливает необходимость соблюдения ее концептуальных требований и недопустимость произвольного манипулирования теми или иными понятиями и теоретическими построениями.

С учетом сказанного, определимся, что нашему представлению о должном соответствует раскрытие содержания объекта преступления посредством категории общественных отношений, поскольку именно они являются реальной и единственной формой существования человеческого общества [4, с. 9], структурно и содержательно поглощают собой различные благами, интересы и ценности [5, с.57], не имеют политической или идеологической окраски [6, с.44].

Такой подход предопределяет дальнейшие рассуждения о классификации объектов. Стоит заметить, что альтернативные теории объекта, рассматривая его содержанием интересы, блага и лица, тем не менее, активно используют классификационные параметры, которые сложились в рамках теории объекта как общественных отношений, в частности, градацию объектов «по вертикали» и «по горизонтали». Между тем, это обстоятельство, на наш взгляд, заслуживает критической оценки. Убеждены, что по объективным причинам интересы, блага и лица «вертикально» не могут быть ранжированы. Допустимая в данном случае классификация может использовать в качестве оснований лишь содержательные характеристики объекта и его правовое значение в структуре состава преступления.

В отличие от этого, единство природы и структуры, однокачественность общественных отношений на всех уровнях дает возможность проводить их классификацию как с позиций соотношения «общего и особенного», так и с точки зрения «части и целого».

Как известно, традиционной в уголовно-правовой доктрине является классификация объекта преступления «по вертикали» и «по горизонтали». Известно и то, что и тут среди ученых нет единства мнений. В частности, немало споров вызывает вопрос о градации объекта преступления «по вертикали». Как правило, в доктрине такая градация соответствует структуре

Особенной части уголовного закона. И, поскольку законодатель в структуре ныне действующего УК РФ обособил не только главы, но и разделы, в дополнение к ранее господствовавшей трехзвенной «вертикальной классификации», включавшей указание на непосредственный, родовой и общий объекты, были разработаны четырехступенчатые и даже пятиступенчатые градации. Так, например, С.И. Улезько, в рамках классификации объекта «по вертикали», наряду с общим, родовым, видовым и непосредственным, выделяет также «интегрированный» объект преступления. Родовой объект, по мысли автора, соотносится с главой Особенной части УК РФ, видовой объект преступления – есть группа однородных общественных отношений, которые по своему содержанию меньше родового объекта преступления, но больше непосредственного, а непосредственный объект преступления совпадает с отношениями, отраженными в конкретных статьях Особенной части УК РФ. «Интегрированный объект» в авторской классификации размещается сразу после общего объекта преступления, и соотносится с разделами УК РФ [7, с. 32–33]. При этом, С.И. Улезько отмечает, что само название «интегрированный объект» указывает на возможное объединение взаимосвязанных, но неоднородных элементов в единую систему [8, с.71]. Справедливости ради заметим, что четырех [9, с.68 и сл.] и пятизвенные [10, с. 95] градации в «вертикальной» классификации объектов разрабатывались и в период действия советских кодексов, имевших иную структуру.

Не углубляясь в детальный анализ проблемы, отметим, что по нашему убеждению, «вертикальная» классификация объектов преступления должна включать в себя видовой объект, определяемый в уголовно-правовой норме, родовой, на основе которого они объединяются в главу Особенной части УК РФ, и общий объект преступлений. Непосредственному объекту (объекту реально совершенного преступления) не место в вертикальной классификации, поскольку он представляет собой явление, тогда как состав преступления и его признаки (в то числе и признаки, характеризующие объект) – это определенное понятие. Нет в вертикальной классификации и интегрированного объекта. Главы уголовного закона, в принципе, могут быть интегрированы в рамки разделов. Основанием объединения в данном случае является единая принадлежность общественных отношений, сфера их проявления, но не новый (надгруппой, интегрированный и т.д.) объект посягательства. Заметим также, что обозначенная модель соподчинения объектов преступления в действующем законодательстве имеет место не всегда, что оставляет вопрос построения «вертикальной» классификации, в принципе, открытым.

Не менее дискуссионными являются также вопросы, связанные с теоретическим осмыслением содержания непосредственного объекта преступления и классификацией объектов преступления по «горизонтали». Анализируя их, принято выделять основной непосредственный объект преступления, дополнительный непосредственный объект преступления (по мнению В.И. Антипова, «альтернативный» [11, с.27]), а также

факультативный объект преступления. Эта триада составляет некоторую «зону согласия» большей части специалистов.

Вместе с тем, П.В. Замосковцев, ещё в 1978 году писал о необходимости признания теорией уголовного права и практикой применения уголовного закона так называемого «суммарного непосредственного объекта преступления». Автор отмечал, «что во всех случаях, когда преступление одновременно посягает на несколько разнородных интересов, лежащих в сфере различных родовых объектов, более правильно говорить о суммарном непосредственном объекте того или иного общественно опасного деяния. В таком случае следует вести речь о суммарном объекте уголовно-правовой охраны» [12, с.19].

Идея «суммарного объекта» представляется нам незаслуженно забытой и весьма перспективной для дальнейшего развития теории состава преступления и юридической техники конструирования уголовно-правовых норм. Ее детальное рассмотрение дает основание утверждать, что в данном случае речь идет исключительно о многообъектных преступлениях, где наряду с основным непосредственным объектом преступления существуют дополнительный непосредственный и/или факультативный объект преступления. Многообъектные преступления одновременно посягают либо создают угрозу причинения вреда нескольким (двум и более) объектам преступлений, при условии, что один из объектов преступления основной непосредственный (определение основного непосредственного объекта преступления осуществляется на основании видового объекта преступления), а другие – второстепенные (дополнительные и/или факультативные) объекты преступления (относятся к другим Разделам и Главам УК РФ). При этом, если вести речь об этих второстепенных объектах преступления, их закрепление в диспозиции статьи УК РФ осуществляется законодателем посредством описания тех или иных дополнительных признаков состава (например, объективной стороны преступления, предмета или потерпевшего). Так, жизнь и здоровье выступает дополнительным непосредственным объектом в преступлении, которое предусмотрено в ст. 162 УК РФ, поскольку в диспозиции статьи указывается на возможность применения виновным лицом насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угрозы такого насилия.

В тоже время, критический анализ ряда норм и отдельных составов УК РФ дают нам основание утверждать, что закон в ряде случаев содержит описание в одной правовой норме внешне - единого состава преступления, который тем не менее включает в себе различные, самостоятельные, несоподчиненные объекты уголовно-правовой охраны. Условно назовём такие преступления *полиобъектными*.

Общеизвестным является утверждение о тесной взаимосвязи всех элементов состава преступления между собой, поскольку конструирование состава является искусственным и осуществляется с целью структурно-логического оформления и описания объективно существующего явления – преступлению. Объект преступления и предмет преступления не являются

исключением. Описание того или иного предмета преступления в диспозиции статьи может обуславливать появление одного объекта преступления и исключать возможность признания иных отношений объектов посягательства. Кроме того, определенной группе охраняемых законом отношений может соответствовать только свой, особый предмет посягательства. Соответственно появление в рамках одного состава преступления двух различных предметов, каждому из которых корреспондирует свой, особый объект, заставляет столь же особым образом решать вопрос о дефиниции объекта преступления, о местоположении нормы в структуре закона, и о квалификации преступления.

Описываемая ситуация принципиально отличается от состава преступления, в котором в рамках одного объекта охраны расположено несколько альтернативных предметов (например, альтернатива в предмете – наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и пр. – не исключает единства объекта преступления – отношений в сфере обеспечения здоровья населения.

Проиллюстрируем сказанное следующими примерами. Классическим образцом полиобъектных составов преступлений являются конструкции, предусмотренные ст. 186 и ст. 172.1 УК РФ. Полиобъектность данных преступлений обусловлена наличием принципиально различных предметов, описанных в диспозициях указанных норм.

Преступление, предусмотренное ст. 172.1 УК РФ, преследует различные цели изготовления и использования заведомо поддельных и недостоверных документов. Умысел виновного при их изготовлении или использовании направлен либо на сокрытие банкротства, либо на сокрытие оснований для обязательного отзыва (аннулирования) лицензии, либо на недопущение назначения в организации временной администрации. Если сокрытие признаков банкротства и недопущение назначения временной администрации посягают на одни те же общественные отношения, которые возникают, формируются и прекращаются в сфере банкротства, то сокрытие оснований для обязательного отзыва лицензии посягает на порядок существования общественных отношений в сфере лицензирования. Лицензирование – это деятельность государства, направленная на организацию, систематизацию и управление хозяйственными процессами в различных сферах экономики, тогда как банкротство – это экономико-правовой механизм, функционирующий с целью минимизации рисков хозяйствующих субъектов. Перед нами – принципиально различные в своем содержании области общественных отношений. Нарушение порядка лицензирования, как представляется, посягает на порядок государственного управления, а преступления в сфере банкротства затрагивают интересы кредитов (физических и/или юридических) лиц. Если предмет преступления, предусмотренного ст. 172.1 УК РФ, изготовлен с целью сокрыть финансовую несостоятельность, вести речь о том, что деянием причиняется вред общественным отношениям в сфере лицензирования просто некорректно.

Именно по этой причине мы относим преступление, предусмотренное ст. 172.1 УК РФ, к полиобъектным преступлениям.

Еще одним примером полиобъектного преступления является деяние, предусмотренное ст. 186 УК РФ. В данном случае состав преступления содержит упоминание о нескольких предметах преступления, которые определяют соответственно разные объекты преступления. Так, предметом преступления, согласно закону, являются: а) наличные деньги (денежные знаки как национальной, так и иностранной валюты); б) ценные бумаги (государственные и иные, эмитированные как в национальной, так и в иностранной валюте, а также эмитированные как резидентом, так и нерезидентом).

Подделка денег посягает на денежную систему государства, причиняет ему вред в сфере реализации монетарной политики, нарушает монополию государства на выпуск (эмиссию) и обеспечение наличной денежной массы в государстве, а также иного государства как участника Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков (Женева, 20 апреля 1929 года) [13, с.40–53]. Не случайно некоторые авторы предлагали позиционировать данное преступление в структуре закона в качестве преступления против безопасности государства [14, с.17].

Ценные бумаги, в отличие от наличных денег, являются более сложным финансовым инструментом. Они могут выступать товаром, средством привлечения финансовых ресурсов (капитала), документом, предоставляющим различного рода права и прочее. Поэтому мы полагаем, что в случае подделки ценных бумаг вред причиняется иным, экономическим отношениям, точнее – кредитно-финансовым отношениям, которые возникают, существуют и прекращаются на фондовом рынке по поводу документарных ценных бумаг. Такая подделка не посягает на денежную систему государства и его монетарную политику, не наносит вред монетарной политике.

Примером полиобъектного преступления является деяние, предусмотренное ст. 107.1 УК РФ. В диспозиции указанной статьи законодатель описал разные по своей природе объекты преступления. Предоставляя в орган государственной регистрации заведомо подложные документы в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений, виновное лицо посягает на общественные отношения в сфере учета и регистрации хозяйствующих субъектов. Ведение указанного реестра осуществляется Федеральной налоговой службой Российской Федерации. Соответственно, виновное лицо посягает на порядок учета хозяйствующих субъектов, а также на основы государственной политики в указанной сфере. Вместе с тем предоставляя в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, документы, содержащие заведомо ложные данные, в целях внесения в систему депозитарного учета недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных

ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, виновное лицо посягает на общественные отношения в сфере обращения ценных бумаг, учет и оборот которых никоим образом не может быть связан с государственным учетом и государственной регистрацией хозяйствующих субъектов.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что полиобъектные составы преступлений – это относительно новая модель, используемая законодателем и характеризующаяся тем, что в одной диспозиции содержится указание на разные непосредственные объекты преступления. Иначе говоря, в одной диспозиции содержится указание на определенный набор непосредственных объектов преступлений, которые между собой не соотносятся как основной и второстепенный. Существование такого рода составов преступлений обусловлено едва ли идентичностью всех его внешних признаков при одновременном принципиальном различии в предметах, и как следствие, - объектах посягательства. Тесная взаимосвязь одного из предметов преступления с конкретными общественными отношениями столь же категорично исключает возможную связь этого предмета с иными отношениями, которые находятся под охраной уголовного закона. Именно предмет полиобъектного преступления выступает основным элементом, объединяя и, в то же время, дифференцируя непосредственные объекты посягательства.

Заметим, что такого рода модель присуща в большей степени «хозяйственным» преступлениям. Именно сложность структуры и взаимосвязей общественных отношений в экономической сфере наглядно иллюстрирует архитектурные «отступления» при конструировании полиобъектных составов преступлений от «классического» подхода к пониманию структуры Особенной части УК РФ. Рациональность существования конструкта полиобъектных составов преступлений превалирует в данном случае над искусственным выделением отдельных самостоятельных составов в соответствии с «раздельно-главной кодификационной» систематизацией общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны.

Однако такое решение конструирования составов преступлений с необходимостью требует пересмотра устоявшихся правил принятия уголовно-правовых решений.

Конструкция полиобъектных преступлений, как представляется, при ее надлежащем развитии и обосновании, способна существенным образом повлиять на сложившуюся практику квалификации преступлений и конструирования закона. В частности, она заставляет поставить в качестве альтернативно допустимого вопрос: создать ли на основе ст. 186 УК РФ (или

иной описанной выше) два самостоятельных состава (фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг) с размещением их в отдельных главах закона, или же при сохранении существующего порядка квалифицировать одновременную подделку одним лицом и денежных средств, и ценных бумаг по правилам совокупности преступлений.

Такая альтернатива, как представляется, неизбежна. Наука и практика вполне могут принять и реализовать любой из предложенных подходов. Единственное, что важно отметить: сохранение существующих конструкций составов при внедрении концепции полиобъектного преступления не может сопровождаться сохранением действующих правил квалификации. Здесь необходим решительный выбор, который будет обуславливать закономерный порядок и взаимосвязь всех последующих теоретических и правоприменительных решений.

Литература:

1. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М. Бек. 1996. 560 с.
2. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспек., 2009. 400 с.
3. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.
4. Коржанский Н.И. Предмет и объект преступления: [монография] / Н.И. Коржанский. Днепропетровск: Юрий. акад. МВД: Лира ЛТД, 2005. 252 с.
5. Каишаров А.А. Сравнительно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 368 Уголовного кодекса Украины. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С. 56–62.
6. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учеб. пособ. М.: Юрлитинфор. 2010. 248 с.
7. Улезько С.И. Интегрированный и родовой объект налоговых преступлений // Юрист – Правоведъ. 2012. № 3 (52). С. 31–35.
8. Улезько С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право, 2013. №4 (46). С. 70–74.
9. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 248 с.
10. Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Х. Выща шк. 1988. 198 с.
11. Антипов В.И. Установление основного объекта в составах многообъектных преступлений // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев: НИ и РИО, 1986. С. 26–30.
12. Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью. Сборник научных трудов. Омск: Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1978. С. 3–16.

13. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VII. М., 1933. С. 40-53.

14. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: Норма. 1999. 320 с.

Literature:

1. Naumov A.V. *Criminal law. A common part. Lecture course.* - M. Beck, 1996. 560 p.

2. Zhalinsky A.E. *Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis.* 2 nd ed., Revised. and under. М.: Prospect, 2009. - 400 p.

3. Novoselov G.P. *The doctrine of the object of the crime. Methodological aspects.* М.: Norma, 2001. - 208 p.

4. Korzhansky N.I. *Subject and object of crime: [monograph] / N.I. Korzhansky.* Dnepropetrovsk: Law. Acad. Ministry of Internal Affairs; -: Lira Ltd., 2005. 252 p.

5. Kashkarov A.A. *Comparative-legal characteristic of crimes under Art. 290 of the Criminal Code of Russian Federation and Art. 368 of the Criminal Code of Ukraine.* // *Bulletin of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry.* 2014. № 4 (18). S. 56-62.

6. Pudovochkin Y.E. *The doctrine of the elements of the crime: Proc. Collec.* М.: Yurlitinform. 2010. 248 p.

7. Ulezko S.I. *Integrated generic object and tax crimes* // *Jurist - Pravoved,* 2012. № 3 (52). P. 31-35.

8. Ulezko S.I. *Classification of objects of crime* // *Society and Law,* 2013. №4 (46). P. 70-74.

9. Korzhansky N.I. *The object and the subject of criminal law protection.* М.: Acad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 248 p.

10. Tatsiy V.Y. *Object and subject of crime in the Soviet criminal law.* H. Highest school. 1988. 198 p.

11. Antipov V. *Establishing the main object in the many-crime* // *The problems of further strengthening of socialist legality in the activities of the internal affairs bodies.* Kiev:, 1986. P. 26-30.

12. Zamoskovtsev P.V. *About many-criminal attacks* // *Problems of the fight against crime. Collection of scientific papers.* Omsk: Publishing House of Omsk Graduate School of Management of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1978. P. 3-16.

13. *Compilation of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states.* Vol. VII. М., 1933. P. 40-53.

14. Dyakov S.V. *State crime (against the constitutional order and security of the state) and a state crime.* М.: Norma. 1999. 320 p.